

С любовью и благодарностью...

Стартуя в Венгрию на соревнования по гонкам с препятствиями Spartanrace, садясь в автомобиль, в голове висела пульсирующая мысль: «Надо позвонить Сергею Михайловичу... обязательно не забыть позвонить Сергею Михайловичу.. только бы успеть позвонить..»

За неделю до поездки мы дважды навещали его в больнице в Смолевичах. Тогда у него еще проскакивали мысли о летних планах на походы, вот, мол, подлечусь, и поедем. Тогда он еще дышал кислородом из специального баллона, периодически снимая маску, а ночью вообще не использовал.

Подобрав по дороге последнего члена нашей команды, я сразу же набрала номер Сергея Михайловича, включив на громкую связь.

- Алло!

- Здравствуйте, Сергей Михайлович! – в один голос бодро поздоровались мы. – Как дела? Как себя чувствуете?

- Привет! Нормально! Завтра перевожусь в Боровляны. – Голос выдавал болезненное состояние, трудное дыхание.

- В Боровляны? А чего решили туда Вас перевезти? А кто Вас повезет, Вам есть кому перевезти? Вам нужна помощь, Сергей Михайлович?

- Все хорошо! Да, так решили. Конечно есть... Ну как вы? Уже приехали? Как выступили?

- Сергей Михайлович, мы уже сели в машину и стартуем в Венгрию!

- Как выступление?

- Что?

- Уже приехали из Венгрии?

- А! Нет! Не, мы еще ж не ездили! Вот мы сейчас только что сели в машину и стартуем! А в воскресенье второго апреля у нас старт. Будем бежать за Вас, как Вы нас учили, Сергей Михайлович! Привезем Вам медаль. Мы планируем вернуться во вторник – и сразу же к Вам приедем! Так что отдыхайте там полной и дождитесь нас! Мы вас обнимаем!

- ... Хорошо! – трудное дыхание.

- Михалыч, очень рады были Вас слышать! До свидания!

Отбой. Сразу же набираю Ирку. Обожаю ее, у Михалыча очень классная дочь. Очень редко пересекаемся, но встречи всегда приятные. Надо сказать, что всё окружение Сергея Михайловича – достойные, приятные, доброжелательные и остроумные люди. Как-то я уже говорила в своем инстаграмм, что смело могу похвастаться тем, что мы очень богатые люди. Наше богатство – это наше окружение, и нам в этом плане очень повезло.

- Алло! Привет, Надюш! – бодрый голос.

- Привет, Ирка! Как дела? Удобно сейчас говорить?

- Да, могу говорить. Нормально. Как вы?

- Всё хорошо, едем на соревнования. Ирка, как папа?..

- Нормально, всё также.
- Ира, а чего его переводят в Боровляны?
- Ну, ему там будет лучше, там лучше уход за такими больными. Завтра его перевозят.

- Ира.. а что говорят врачи?
- Надь, давай так.. Вы должны понять и принять. Сергей Михайлович уже не поправится, не выздоровеет...

- ... а что по срокам?..

- ... до четверного апреля, думаю, вы должны успеть..

Отбой. И новая пульсирующая мысль в голове: «Только бы успеть..»

Мы успели. Сразу по приезду домой, я позвонила Паше, и мы поехали в Боровляны. Татьяна, супруга Сергея Михайловича (тоже обожаю ее) дала нам координаты, нарисовала картосхему проезда, сказала: «11 палата, паллиативное отделение». Тогда я понятия не имела, что это за отделение, в голове мысль: «Странное слово». Уже позже, загулив, узнала, что там больные не выздоравливают...

Зайдя в палату, мы увидели Сергея Михайловича, лежащего на кровати в маске, подключенной к аппарату ИВЛ, рядом стояла Татьяна, очень спокойная, доброжелательная. Я очень благодарна ей за пример, которым она являлась в тот момент. Теперь я точно знаю, как нужно себя вести в ситуации с умирающими больными: просто жить, любить, заботиться, жить моментом, обсуждать с ними будущие планы, обязательно советоваться, ни в коем случае не жалеть, не плакать и не жалеть себя.

Подойдя к кровати, мы обратили внимание на привязанный к кровати возле ног репшнур, закольцованный узлом «встречная восьмерка». Несмотря на то, что кровати в этом отделении были оборудованы системой автоматического подъема-спуска изголовья, чтоб максимально облегчить больным жизнь, Сергей Михайлович приказал Татьяне привезти ему эту веревку, чтоб он мог самостоятельно себя поднимать из положения лежа.

- Ого! Какая классная у Вас веревка! – пряча все свои эмоции уверенным и веселым голосом воскликнула я.

Беру узел в руки, наши взгляды с Сергеем Михайловичем одновременно остановились на нем, в один голос возмущенно произносим:

- С перехлестом!!! – мы засмеялись. Исправляя перехлест, в голове проносились тысячи воспоминаний с тренировок, соревнований, когда мы с тренером вязали узлы на скорость, момент с соревнований, когда Сергей Михайлович завязал «восьмерку» с перехлестом, и его еще долго потом подкалывали. Сергей Михайлович быстрее всех умел завязывать «стремя одним концом»... Очень хорошо помню, когда нас с Настей Мыцак (ее уже тоже нет, погибла в автокатастрофе), маленьких цыплят 6-го класса летом в палаточном лагере на Нёмане, Сергей Михайлович учил вязать узлы. У меня не получались «заячьи уши», Сергей Михайлович уже немного психовал, и я заплакала. А

утром, сидя возле костра, у нас всё получалось идеально, всё в голове улеглось, как стихотворение, выученное с вечера на завтра в школу. И Сергей Михайлович приободрял меня: «Ну, и чего ревела? Давай еще завяжи 2 раза!»

И таких тысяча моментов, когда Сергей Михайлович искренне переживал за нас, наши выступления, наши победы, поражения, обнимал нас, хвалил, ругал, громко на весь спортивный зал кричал: «ЖОПЫ ВЫ! И РАХИТЫ!», когда на соревнованиях «Зніч», мы завалили этап дистанции «переправа через бревно». Помню, когда на соревнованиях в парке Горького, когда я догнала предыдущего участника на дистанции и зависла на навесной переправе из-за оплошности судей, которые не сообразили включить секундомер отсечки, громко приказал мне: «Спускайся вниз!» И чтобы мне ни сказали судьи в тот момент, я всё равно сделала бы так, как сказал Сергей Михайлович. Я спустилась, перебежала заново, заняла первое место. И таких мест у нас впереди было еще много.

Моя история с Сергеем Михайловичем началась в 2000 году, когда я училась в шестом классе гимназии №4. Ко мне на перемене подошла одноклассница и предложила почитать объявления кружков на стенде спортивного зала. На листочке бумаги в клеточку было размещено объявление, написанное шариковой синей ручкой: «Приглашаем ребят 5-7 классов на секцию спортивного туризма». В тот же вечер мы пришли в спортзал, играли в футбол, «два капитана». Высокий дяденька, в синих джинсах, очках, с синим рюкзаком «VAIDA» сказал, что нужно принести справку о том, что можно заниматься спортивным туризмом. Спустя пару тренировок Сергей Михайлович сообщил: «В воскресенье едем в лес, будет веревочная тренировка. Встречаемся на остановке. С собой берем ссобойки и спортивную форму.»

На старом перроне Лебяжьего мы должны были встретиться со старшими ребятами, которые уже занимались у Сергея Михайловича несколько лет. Взрослые, деловые, задиристые пацаны, с огромными рюкзаками, специальным снаряжением, мы их побаивались и стеснялись. Тогда я еще не знала, что на том перроне среди этих задир я впервые увидела своего будущего мужа.

Потом были турслеты, походы, соревнования, кубки, Чемпионаты, КМС, мастер спорта, тренировки, бассейн, тысячи знакомств, друзей, влюбленности, семья. Детьми мы пропадали на тренировках. И мама мне часто говорила: «На тренировку не пойдешь, пока что-то не сделаешь.» И надо сказать, наверное, это было эффективно. Я обижалась, но дела делались.

Благодаря Сергею Михайловичу мы не узнали, что такое улица, нашей улицей был лес. Хотя своя «улица» была и в лесу, но под ненавязчивым присмотром Сергея Михайловича. Были и первые найденные тренером сигареты, и пиво тоже было. Но это был наш секрет.

Вообще, когда я рассуждаю о том, кем был для меня Сергей Михайлович, абсолютно точно могу сказать – наставник, тренер, друг, папа, сообщник, родной человек, коллега, спортсмен, учитель, приятель. Мы пережили вместе с ним очень многое такое, которое и делает людей родными.

Абсолютно точно могу сказать, без украшений, искренне и убежденно, Сергей Михайлович вложил в каждого своего воспитанника человечность, он учил быть людьми, спортсменами. Победил – значит победил, проиграл – значит проиграл. Он был самым справедливым и толковым судьей на любом соревновании. Не помню ни одного случая, когда бы он закрыл глаза на какой-нибудь штраф, заработанный нашей командой, стоя в качестве судьи на каком-нибудь этапе. Нас он не щадил, не прикрывал глаза. Все заработанные штрафы на республиканских соревнованиях, кубках, где выполняют разряды и звания, были занесены в протоколы честно. Потом был разбор полетов.

Мы ругались, спорили, обсуждали, доказывали друг другу с пеной у рта, психовали, но всегда мирились и договаривались. Никогда не составляло труда для Сергея Михайловича извиниться и попросить прощения, если он когда-то перегнул. А вообще тренер был всегда прав)))

Он был честный, справедливый, надежный, добрый, веселый, простой, остроумный, мудрый, очень харизматичный. Еще он любил говорить: «А всё почему? Потому что я умный! И скромный!» И мы не спорили, мы знали это, закатывали глаза и улыбались.

Меня всегда забавляла ситуация, когда наш Сергей Михайлович в шортах, сланцах на босую грязную ногу, в майке с надписью: «Где тут кабану оттопыриться?», статно и представительно выглядел рядом с важными и деловыми дядечками в пиджачках и дорогой обуви, представителями команд. Эти важные дядечки выглядели школьниками рядом с ним, когда он объяснял дистанцию на судейской или проводил тренировки, чтоб подготовить их к турслету. Обожала такие ситуации. Мы рядом с ним всегда были смелые, спокойные, уверенные, немного нахальные, как будто под покровительством. Могли себе позволить))) И, казалось бы, ничто не могло его пошатнуть или напугать.

Но знаю точно, что один раз Сергей Михайлович очень сильно испугался, думаю, вынес очень ценный урок, когда в 2007 году мы пошли в водный поход на Беломорскую Шую. Река достаточно серьезная, в тот период была большая вода. На последнем заключительном пороге наш катамаран 4-ку затянуло в бочку и не отпускало очень долго. Я сидела впереди на месте правого матроса, меня «засосало» в бочку под катамаран, и очень долго «не выплывало». Наверное, многие со мной уже успели попрощаться, в том числе и я, но ангел хранитель меня спас. Я нахлебалась воды, с меня «смыло» одежду, спасательная «морковка», которая должна была быть наготове на берегу у страхующих, лежала на нашем катамаране, запуталась в моих ногах, связала их, пополоскало меня знатно. Череда событий: усталость, расслабленность, наша халатность, неопытность экипажа. Всё обошлось. Моей маме в тот день приснился страшный сон.

В тот вечер Сергей Михайлович научил меня, как «правильно» пьют «чистый» спирт. Это тоже был наш секрет. Родителям про этот эпизод я не рассказывала до сих пор.

В период своей болезни Сергей Михайлович ни разу не пожаловался нам, ни разу себя не жалел, ни на кого не злился. Мы не знали, как правильно себя вести, чем помочь. Он очень достойно боролся с раком, как настоящий спортсмен. Тогда в Боровлянах он огорченно выдал: «Обидно! Помираю, и воды попить даже не хочется!»

А мы пытались шутить: «Михалыч! Что за дела? Что Вы разлеглись? Вы нас вообще-то обещали позвать в сентябре на шашлыки к себе домой в Смолевичи!»

Или, когда Татьяна сказала Паше, что у Сергея Михайловича осталось два огромных пакета карт с маршрутами, надо бы забрать, я возмущенно напомнила Паше: «Потом не забудь вернуть обратно Михалычу!»

Он улыбался. Никто не плакал, не причитал. Сергей Михайлович лежал на кровати в маске аппарата ИВЛ, жадно слушая свою любимую музыку, рок, что-то из Deep Purple, Scorpions, Led Zeppelin, что-то из бардов, боролся до конца. Ему было очень тяжело дышать, было видно, как каждый вздох ему дается с большим трудом. Как каждый шаг для альпиниста при подъеме перед финишной прямой на пик горы, или для марафонца последние финишные километры. Очень похоже. Он очень достойно прошел эту дистанцию.

Я рада, что мы успели вернуться из Венгрии. Я довезла ему медаль, вложила в руки, сказав, что это его медаль. Мне очень хотелось сделать Сергею Михайловичу что-то приятное... Я очень рада, что успела накануне отправить ему сообщение:

- Сергей Михайлович, доброе утречко! Мы Вас очень любим!
- И я!

Я рада, что прошлым летом мы успели побыть с ним неделю в детском палаточном лагере, поработать вместе на корпоративах. Просто побыть рядом.

Сергей Михайлович умер на Благовещение. В день похорон выдалась прекрасная солнечная погода. Никто ни на минуту не сомневался, что приедет огромное количество желающих проститься. Мне очень понравились слова Ирки на кладбище. Она очень спокойным и приятным голосом сказала: «Спасибо большое вам всем, друзья, за то, что приехали. Смотрите, какая сегодня хорошая погода! Светит солнышко, очень тепло. Сергею Михайловичу уже хорошо, ему не больно. Вы знаете, я думаю, папа сейчас где-то рядом с нами, смотрит на нас всех, видит, сколько к нему приехало друзей, родных людей. Будьте уверены и спокойны, он доволен.»

На следующий день утром уже был создан чат памяти Черепко Сергея Михайловича на более чем сотню человек, уже создается электронный архив-музей в его честь, мы собираем, сортируем фото-, видеоматериалы, ссылки, документы, имеющие отношение к нему. Планируется проведение туристского

слета памяти Сергея Михайловича. Уже поступило предложение в сентябре сходить в пеший поход в Турцию и посвятить его тренеру.

И я спокойна. Память о Сергее Михайловиче будет с нами навсегда, в душе, сердце, в нас, в наших детях, воспитанниках, словах, юморе, шутках.

А всем нам я бы хотела предложить почитать слова Кохоновской Людмилы, нашего общего близкого друга, как памятку или инструкцию к дальнейшим действиям.

В день, когда мгновенно создан чат памяти Сергея Михайловича, все активно начали набрасывать идеи по организации мероприятий, сбору материалов и т.д., мой муж Чесноков Максим удалился из этого чата. Он переживает уход Сергея Михайловича особенно остро. Он был совсем не готов к этому. Людка написала ему такие слова:

«Знаешь, Макс, ты, наверное, прав. К сожалению, ни группа памяти, ни идеи со слетом, увы, ничего не исправят и никого не вернут. Наверное, нам так легче смириться с утратой. И, видимо, это наш долг для родных Михалыча, для друзей, для себя создать память: фото, видео и т.д.

Я впервые с вопросами жизни-смерти (тяжелой болезни) столкнулась в 16 лет... Тогда я не знала, как себя лучше вести...

Сейчас я знаю. Никакой жалости ни к больному, ни к себе. В последнюю свою встречу с Михалычем на его фразу: «Не переживай за меня!» Я ответила, что я за него болею, как в спорте.

И это была правда. Продержаться, как можно дольше. Не сойти с дистанции со словами: «Как мне все надоело!» Потому что, произнеся эти слова, человек сам сдаётся. И в дальнейшем мучается сам и мучает всех своих близких, так как они всё видят и ничего не могут сделать. И это замкнутый круг. Никому от этого не лучше! Нет смысла напоминать себе ежедневно, что уже скоро всё!

Михалыч сам всё давно знал! Он много лежал по больницам, видел, чем обычно всё заканчивается. Нам всем он почти ничего не говорил. Не хотел, чтоб мы его жалели. Не хотел быть слабым. Не хотел нас расстраивать. И самому от этого было легче и не так больно.

Сейчас у Михалыча уже ничего не болит. Жалеть его сейчас бессмысленно.

Многие люди уходят медленно, не выходя из квартиры, комнаты, не слезая с кровати, иногда сами просят смерти. Михалыч тоже мог оказаться надолго в беспомощном состоянии (такова болезнь). Ему было бы в сотни раз тяжелее, чем уйти быстро в кругу друзей. И, наверное, хоть в этом ему повезло...

Дальше большинство из нас будет жалеть себя. Типа мне не у кого спросить, с кем посоветоваться, мне не будет его хватать и так далее....

...Не надо жалеть себя!!!

Он всех нас научил жить! И меня тоже, хоть я у него и не тренировалась. Мне его оптимизм очень пригодился в жизни. И еще понадобится. Я это точно знаю.

Во всех нас частичка души Сергея Михалыча. И надо судьбе сказать СПАСИБО за то, что довелось общаться с таким замечательным человеком. За то, что у вас, его воспитанников, был, можно сказать, еще один родитель.

Просто всё когда-нибудь заканчивается. И дальше всем нам приходится самим. И мы должны справиться! Просто обязаны! Иначе он зря нас всему учил.

Когда я познакомилась с Михалычем, он только уволился с завода и впервые начал тренировать детей. И сам толком не знал ещё, как это делать. Тоже справился со всем! И надо сказать, что неплохо.

Макс! Сейчас это надо просто как-то пережить. У тебя свои дети. Теперь ты их учи. Теперь ты сам! Я в тебя верю! И ты справишься. Тем более, что все вместе – твоя семья, твои друзья.

А Сергей Михайлович – это как что-то яркое и светлое в жизни). Вот и вспоминай самое лучшее... И не жалея себя.

Я очень благодарна судьбе за то, что в моей жизни был Сергей Черепко. За то, что были и есть все его друзья и воспитанники! Они сейчас и мои друзья! Хоть общение сейчас и не так часто, но при встречах просто становится легче и лучше.

Живём дальше! Нам многое еще надо сделать в жизни!»